

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

*Чёрная
Мадонна*

16+

Джавид Алакбарли

Чёрная мадонна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319250

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта история неразрывно связана с бакинским городским фольклором о тех прекрасных женщинах, которые имели счастье родиться в этом городе. Главная героиня очень напоминает одну из тех красавиц, в которую когда-то была влюблена большая часть мужчин этого города. А ещё она о жизни двух молодых людей, влюблённых в русский авангард. Судьбе было угодно распорядиться так, что его расстреляли, а её посадили в тюрьму. И лишь Чёрная мадонна из курортного города Виши смогла вернуть этой прекрасной женщине желание жить, вырастить свою дочь и обрести если и не счастье, то хотя бы покой в этом бренном мире.

Джавид Алакбарли

Чёрная мадонна

К этой церкви Святого Блеза она вышла совершенно случайно. Она где-то вычитала, что именно рядом с этой церковью есть пристройка с очень красивыми витражами из художественного стекла. Действительно, эти витражи были настоящим шедевром эпохи ар-деко. Они не могли не поражать воображение. Когда она перешла из этой галереи в стоящую рядом старую церковь, то увидела маленькую хрупкую статую из тёмного дерева. У её подножья было множество сувениров и писем. Письма были от тех, чьи желания она уже исполнила. Все они начинались с обращения к той, кого они именовали «Чёрной мадонной»

Она стояла рядом с этой мадонной и чувствовала, что с ней что-то происходит. Ей было трудно понять и осознать, что же это с ней? Её пробирала дрожь. Руки и ноги стали ледяными. Всё её существо было пронизано каким-то ощущением потерянности. Она плохо помнила, как добралась домой. Муж потом рассказывал ей, что она пришла смертельно бледная, дрожащая то ли от холода, то ли от внутреннего озноба. Он напоил её горячим чаем и уложил спать. Проснувшись утром, она пошла его искать. Он был в гостиной.

Она села рядом. Подумала о том, что за всё то вре-

мя, что она замужем, вряд ли он слышал от неё за один раз больше, одного предложение, как правило, оно состояло из трёх-четырёх слов. Обычно, после слова «пожалуйста» она произносила «дай, принеси, помоги, сделай...». И всё. Она окружила себя некой бронёй. Панцирем, отгородившим её от всего и вся. И от него тоже. Была рядом, но в то же время мысли её были далеко-далеко, равно как и всё её существо.

Впервые ей захотелось ему что-то рассказать. О своём детстве. О своей семье. О своей первой любви. О своём верном рыцаре. О тюрьме. Конечно, не всё сразу. Но хотя бы что-то. И по мере того, как она говорила, боль, окаменевшая внутри неё, не дающая возможности дышать, отступала. Конечно же, ей нужен был не один день, чтобы выговориться. Но ещё ведь ей надо было растопить этот холод внутри себя. Суметь превратить его в слова, в слёзы, в какие-то эмоции, способные заполнить собой ту пустоту, которая жила в ней всё это время.

Ещё вчера она была мертва. Сегодня она уже не была трупом, но ещё не ощущала себя живым человеком. И тогда она попросила мужа отвезти её ещё раз к «Чёрной мадонне». С тех пор у неё не было и дня без того, чтобы мадонна не присутствовала в её жизни. И неважно приходила ли она в церковь или просто разговаривало с ней. Она стала частью её жизни. Поселилась в её душе. Да и всю её жизнь можно было бы смело разделить на две части: до встречи с «черной мадонной» и после неё.

Втайне от всех, она называла себя «Мадам Трифе». Эти три «фе» были самыми обычными словами: фиктивная, фальшивая, формальная. Всё это время, начиная с тюрьмы и до встречи с «Чёрной мадонной», всё в ней было ненастоящим. Она была фиктивной женой. Она была вся пронизана чувством вины перед мужем, который столько сделал для неё и дочери, не получив взамен ничего. Кроме её равнодушия.

Она была фальшивой женщиной. Настоящую женщину в ней уничтожила тюремная камера. Она была уверена, что уже никогда и никому не удастся вернуть к жизни её женскую сущность. Теперь же она могла смотреться в зеркало и видеть в нём прежнюю себя. Почти прежнюю. А раньше это была лишь оболочка. Внутри неё слишком долго царили мрак и холод. Она вышла из тюрьмы, но сама тюрьма поселилась в её душе полновластной хозяйкой. За решёткой, под надёжным замком находились все её чувства и эмоции.

Она была формальной матерью. Да, она заботилась о дочери, гладила свою малышку по голове, целовала. Но разве ребёнка обманешь внешним проявлением чувств?! Дочь её, как никто, понимала, что с матерью что-то не так. В отличие от мужа, который всё это время вёл себя весьма отстранённо, малышка пыталась достучаться до её сердца. Пыталась, но не могла. Некая невидимая стена не позволяла ей это сделать.

Умом она понимала, что так нельзя себя вести, но в её сердце было столько горя, что она не могла иначе. Самым страшным было осознание того, что на ней лежит какое-то

проклятие, которое уничтожает всех тех, кого она любит. Она была уверена в том, что именно её тяжёлая аура сгубила и её любовь. Ей, казалось, что она могла бы защитить дорогих её сердцу людей, только не любя их. Она стремилась заковать своё сердце в броню, лишив его возможности любить.

Каждый день, как мантру, она повторяла про себя самые глупые в мире слова:

– Не люби их. Не люби. Не люби и тогда ничего с ними не случится.

Спустя какое-то время, пришло понимание того, что мадонна почти исцелила её. Она перестала быть фиктивной женой, фальшивой женщиной и формальной матерью. Именно здесь в Виши она обрела своё настоящее Я. Она не писала писем мадонне. Не молила об исцелении. Она ведь не была больна в обычном смысле этого слова. Её мольба состояла лишь из одного слова: помоги. Мольба была услышана. Мадонна помогла.

У дяди её нынешнего мужа был небольшой особняк недалеко от реки. Там они и поселились, приехав в Виши. Отсюда, буквально, за десять минут можно было дойти до галереи источников, знаменитого театра и казино. Муж фактически заставлял её каждый день пить эту целебную воду, вышагивать пять километров и правильно питаться. Распорядок дня исполнялся ею, как программа для робота. Мадонна вернула ей вкус жизни, краски окружающего мира и способность хоть что-то чувствовать, помимо горечи утрат и потерь.

И ещё, она, наконец-то, смирилась со всем тем, что случилось в её жизни. А случилось с ней то, что было способно сломить не только молодую девушку, но и любое даже более стрессоустойчивое создание.

Она вспоминала тот день, когда она в первый раз вышла замуж. Тогда она была на четвёртом курсе. Его отец снял им кооперативную квартиру в Матвеевском и у неё впервые в жизни появился дом. Отцовскую квартиру в Баку она никогда не считала своим домом. Там хозяйничала её мачеха. Помимо рьяно демонстрируемой ею любви к её отцу, она была одержима идеей стереть все следы того, что когда-то у её обожаемого мужа была другая жена.

Самым большим напоминанием о том, что всё-таки была, было существование его дочери. Она до сих пор помнит побледневшее до синевы лицо мачехи, когда кто-то из её подруг спросил о том, что неужели первая жена её мужа была так же ослепительно красива, как его дочь. После этой стычки она выработала жёсткое правило: её пребывание в отцовском доме должно быть сведено к минимуму.

Единственное, что её спасало – это характер работы отца. Он работал во многих регионах страны, а его теперешняя жена не мыслила себя жизни без бакинской квартиры, своего парикмахера, массажистки, косметолога. Конечно же, она бывала у отца. Но набегам. В целом, ей трудно было испортить её жизнь с отцом вне Баку. Она научилась готовить отцу завтрак и ужин. Обедал он на работе. Он был очень скуп на

эмоции. Когда ей было лет пятнадцать, он мимоходом обронил несколько фраз, которые она запомнила на всю жизнь:

– Я никогда никого не любил кроме твоей матери. Это была женщина, предназначенная мне богом. Каждую ночь я, законченный атеист, у кого-то спрашивал о том, за какие заслуги мне её даровали небеса? Я явно был недостойн такого сказочного дара. Но если уж даровали, зачем её у меня так быстро забрали? Я каждый день просыпаюсь с ощущением, что у меня нет какого-то самого важного органа. Жить без него невозможно. А я живу. Вот такой вот урод твой папочка. Я не умею быть ласковым. Я не умею выражать свою любовь. Даже о своей безграничной любви к ней, той единственной и незабываемой, я так и не смог ей рассказать. Я был убеждён, что она и так об этом знает. К чему же слова? Мне кажется, что они всегда всё портят и искажают.

Дом бабушки тоже не смог стать для неё родным. Бабушка, как и все творческие люди, ненавидела уют и порядок. Хаос был её стихией. Именно в нём она черпала энергию. Её любимой фразой была весьма странная присказка: «Порядок убивает меня». Она ухитрилась при этом оставаться необыкновенно чистой. Теперь спустя много лет она понимала, что она была, этаким, «Дон Кихотом в юбке». Ей повезло, что её «Санчо Панса» когда-то сидел с ней за одной партой. На нём висело всё. Он зарабатывал деньги, налаживал быт и не уставал делать комплименты своей жене.

Дед не вынес смерти дочери. Через полгода, после смер-

ти её матери, его не стало. Из их дома исчез уют и порядок. Бабушка вся ушла в творчество, издавала всё новые и новые книги, а дом превратился в захламлённую берлогу. Она любила приходить сюда, но ей трудно было называть это место домом. Удивительно, но в этой безликой квартире в Матвеевском, она впервые поняла, что такое тепло родного дома. Наконец-то, в этом холодном мире у неё тоже появилось своё гнёздышко.

У них была очень скромная, но красивая свадьба. Просто, но безумно элегантно. Свадьба, отражающая стиль жизни её мужа. Он так и не признался ей в любви. Не произнёс столь долгожданных слов. Просто смотрел на неё своими бездонными глазами, полными любви и обожания. Мать Алика накрыла стол в лучших советских традициях. Хрусталь, свечи, крахмальные скатерти и салфетки. Икра, чёрная и красная, и множество закусок. А потом, они уехали к себе.

С шутливого напутствия Алика: «Ну всё мадмуазель, пора становится моей женщиной и моей женой» и началась их семейная жизнь. В тот вечер она у него так ничего и не спросила. А хотела спросить лишь о том, любит ли он её. Она, всё-таки, была дочерью своего отца и говорить о своих чувствах и эмоциях просто не умела.

Она вспоминала, что, когда поступила в университет, первое, с чем ей пришлось столкнуться, это было просто безграничное мужское внимание. С этим что-то надо было делать. Оно отравляло всё её существование и превращало её жизнь

в борьбу за выживание. Она упорно не желала быть ни чьей-то протеей, ни чьей-то любовницей, ни чьей-то женой только потому, что какой-то мужчина счёл её достойной своего внимания.

Она нашла прекрасную форму защиты. Никто не рискнёт ухаживать за девушкой, которая нелепо выглядит. Её свитера, связанные из остатков разноцветной пряжи, её мини-платья, сшитые из лоскутков, её сарафаны, украшенные косичками всевозможной длины и яркими пуговицами, шокировали всех. Когда же она явилась на факультете в платье, сшитом из старого мешка из-под сахара бабушку, пригласили в деканат. Она, как всегда, поставила вопрос ребром:

– А что же вас шокирует? У моей внучки нет времени и средств, чтобы найти себе другую одежду. Подручные материалы, спицы, крючок и старенькая машина Зингер позволяют ей выглядеть только так.

И вот тут-то прозвучало это странное слово «эпатаж». Оказывается, после того как она перестала раздражать преподавателей своими рассуждениями об искусстве, выбивающимися из жёстких советских канонов, она опять ухитрилась отличиться своим неподобающим советской студентке внешним видом. С точки зрения декана всё её поведение и эта странная одежда были всего лишь желанием выделиться. Показать, что она не такая как все. Одним словом, эпатаж. Дома бабушка вынесла ей суровый приговор:

– Займи свои мозги чем ни будь. Иначе ты доиграешься и

тебя выгонят из университета. Человеку без диплома трудно выжить.

Вечером того же дня, сменив гнев на милость, бабушка повела её в гости к своим друзьям художникам. Это были две мастерские, объединённые общим коридором. Здесь отмечали чей-то день рождения. Её поразила прежде всего высота потолков. А где-то высоко-высоко висели работы, которые удивляли и цветом, и формой. Когда она подняла глаза вверх, чей-то насмешливый голос сказал:

– Нравится? Конечно же, нравится. Не может не нравиться. Ведь это русский авангард.

Потом он задал ей вопрос, сразивший её наповал:

– Помогает?

– Что?

– Все эти тряпки на тебе. Это ведь форма защиты. Я сразу понял, почему ты вырядилась огородным пугалом. Но это защита только от дураков. Такую красоту скрыть невозможно.

Она покраснела. Его нахальство и проницательность не могли не шокировать. От этого человека за версту несло опасностью. Очень притягательной опасностью

Говоривший представился Аликом. Кивнув в сторону бабушки, спросил:

– Мама или бабушка?

Пришлось отвечать:

– Мама давно умерла. Бабушка.

Оставив её, он подошёл к бабушке, поцеловал ей руку и представился. Она сразу заметила, что бабушкины глаза сверкнули недобрым огнём. И тут же объявила, что они должны уходить. Но избавиться от молодого человека оказалось не так уж просто. Он уже был внизу, рядом со своей машиной. И предложил довезти их до дома.

Вот таким банальным образом начался её роман с этим ослепительным молодым человеком. У него было столько ума, обаяния и чисто мужского шарма, что он очаровывал всех лишь только своим появлением. Что уж говорить о какой-то студентке.

Она, наверно, никогда в своей жизни ни с кем столько не разговаривала сколько проговорила с ним. Он был всего на 5 лет старше неё, уже успел закончить Суриковский институт. Честно признавался, что он весьма посредственный художник. Больше всего он подшучивал над самим собой. Его же знания в области искусства просто поражали. При этом сам он с сарказмом говорил, что именно его познания привели к тому, что он не способен создать что-то по-настоящему талантливое.

– Понимаешь, я в любой работе вижу влияние тех, кто уже успел сказать своё слово в искусстве. Знания сковывают мои фантазии. И чтобы я ни сделал – я всегда вторичен. А это просто трагедия.

Алик её воспитывал. Без нажима. Ненавязчиво. С чувством, толком и расстановкой. В его глазах плясали черти.

Он всё время улыбался и говорил то, что она никогда ни от кого не слышала. С ним московские музеи переставали быть хранилищами «мёртвого искусства». Иногда он совершал провокационные поступки. Например, заставлял её зажмуриться. А потом, какими-то переулками, вёл её к дому Мельникова и приказывал:

– Открывай глаза.

Он мог говорить о великих художниках просто и обыденно. Поражали детали. Например, рассказывая ей о супрематизме, он мимоходом замечал, что когда Татлин пришёл на похороны Малевича, то сел в первый ряд и свистящим шёпотом сказал:

– Притворяется сволочь.

И навзрыд заплакал.

Алик знал где продают самые вкусные сосиски в Москве, где самые красивые пирожные, где можно купить горячие, посыпанные маком бублики. Он знал всё. Он мог забрать её с занятий, уже выстроив какой-то хитроумный план того, как он будет её развлекать, просвещать и даже кормить. Её стандартный распорядок дня: дом- университет – дом, полетел в тартарары. Домой она приходила только ночевать. В один из таких поздних приходов бабушка, застав её в ванной, опять задала один из своих каверзных вопросов:

– А ты знаешь, что у него репутация очень опасного человека с сомнительными связями? О его отце ходят легенды непонятного толка. Ну и, наконец, он известный бабник

и сердceed. Как говорят у нас в деревне, он всего лишь красавчик из категории «поматросит – бросит».

Все её попытки убедить бабушку, что их ничего не связывает кроме дружбы, вызывали у неё лишь иронический смех: – Посмотрим, посмотрим. Жизнь покажет.

Таков был её приговор.

Через пару месяцев бурного общения Алик пригласил её к себе домой. При этом само приглашение выглядело весьма специфически. Он сказал, что в воскресенье его мама приглашает их с бабушкой на обед. И хитро-хитро улыбаясь, он добавил:

–Папа тоже будет.

Она была уверена, что бабушка откажется. Она согласилась. Нехотя, сказала: «Да». Отец Алика оказался знаменитым стоматологом. В эпоху, когда люди могли себе позволить лишь металлические коронки, он радовал своих пациентов обеспечивая им белоснежную улыбку фарфоровых зубов. Он был душой любой компании. Дома у них бывали разные люди – от генералов КГБ до певиц и писателей. И конечно же, он заставил улыбаться даже её, истекающую скепсисом и иронией, суровую бабушку. Ужин завершился весьма необычно. Отец Алика, обратившись к её бабушке, сказал:

– Вы знаете, мой сын при всех своих видимых и невидимых недостатках, хороший человек. Недавно с ним произошло то, что нас с матерью безмерно обрадовало. Он влюбился. Сегодня мы имели честь познакомиться с его избранни-

цей. Она поразила нас. Умом, красотой, тактом. Можно много ещё чего перечислять. Из её близких мы знаем лишь вас. Не могли бы Вы благословить молодых?

Бабушка прослезилась. Но благословила. Так началась их семейная жизнь. После защиты диплома, она благополучно родила дочку. Съездила с Аликом в Баку на похороны отца. Слушала иронические Алика комментарии на тему о том, что не надо переживать о том, что она теперь круглая сирота. Он хоть и серый волк, но по иронии судьбы, «Волк», влюбившийся в Красную шапочку. А это уже другая сказка. Ещё не написанная, но уже, проживаемая ими. Такая искренняя любовь, приправленная изрядной долей юмора и бесконечных подтруниваний над ней, конечно же заставляло трепетать её сердце и задуматься о том, что оказывается быть счастливой это так легко и просто. Казалось, их семейную идиллию счастье ничто не способно нарушить. Но беда была уже не за горами.

Тем ранним утром в воскресенье они приехали на поздний завтрак к его родителям. Те обычно в пятницу вечером забирали малышку из детского сада. И субботу, и воскресенье она проводила с ними. Она была удивительно самостоятельным и рассудительным ребёнком. Обычно девочки, похожие на своих отцов, даже очень красивых мужчин, просто уродливы. Их малышка была красива той хрупкой красотой фарфоровой куклы, которая так очаровывает всех и вся. Во всяком случае, и в детском саду, и в семье она была окруже-

на атмосферой всеобщего обожания.

Они уже сели за стол, когда мама Алика пошла звать отца. На её крик все сбежались в спальню, чтобы убедиться в том, что его уже нет в живых. Теперь, спустя много лет, она понимала, что, видимо, это была не совсем обычная смерть во сне. Он знал что-то, что указывало на ту трагедию, которая со всеми ними потом произошла. Трудно ли врачу обеспечить себе безболезненный уход из жизни? Конечно же, нет. Он своей смертью хотел, как будто, взять всю «вину» на себя и оградить их от большой беды. Увы, это не помогло.

Вернувшись домой с кладбища, они обнаружили у дверей квартиры наряд милиции. Алику был предъявлен ордер на задержание и обыск. Квартира ещё вчера казавшаяся оплотом уюта и спокойствия, превратилась вдруг в поле боя. Больше всего удивляла та бесцеремонность, с которой они рылись во всех их вещах, книгах, шкафах, выискивая неизвестно что. Следом за обыском, начался об стук стен. А к двенадцати ночи с пола был снят весь паркет в поисках каких-то тайников. Всех членов семьи сразу отделили друг от друга. Их просто рассадили по разным комнатам. В два часа ночи Алика увели. Попрощаться им не разрешили. Выходить из квартиры тоже.

В течении всей следующей недели, ситуация потихонечку стала выясняться. С ними никто не желал вступать в прямые контакты. Где-то краем уха она услышала, что совсем недавно расстреляли всех участников «группы валют-

чиков». Земля слухом полнится. В определённых московских кругах, где, как правило, доподлинно всё знают, поговаривали, что во время встречи Никиты Хрущёва с Джоном Кеннеди тот без обиняков говорил о «чёрном рынке» в СССР, не имеющем себе равных в мире.

После этого разговора поступила жёсткая команда: найти и наказать. Нашли и наказали. Суд был жёстким. И все получили довольно приличные сроки. Руководству страны этого показалось мало. Оно жаждало крови. Было принято решение об ужесточении наказания за валютные операции, вплоть до расстрела. И сколько бы не кричали советские и зарубежные юристы о том, что закон не имеет обратной силы, именно эту статью применили к осуждённым валютчикам. Они были расстреляны. Но видимо, «улов» показался высшим руководителям слишком уж «жидковатым». Чтобы избежать гнева самого-самого-самого стали искать новых преступников на всех фронтах и по всем направлениям.

Где валюта, там и золото. А кто работает с золотом? Конечно же, ювелиры и стоматологи. После первой волны арестов наиболее известных лиц, оказывается, отца Алика приглашали для профилактической беседы. Безусловно, все знали, что он никогда в жизни не работал с золотом. Он гордился тем, что его фарфоровые коронки обеспечивали видимость натуральных зубов настолько блистательно, что его пациенты саму мысль о золотых коронках отменяли в корне. Но он был настолько авторитетным человеком среди стома-

тологов, что знал о них, практически, всё. От него требовали информацию. Давать её он отказался. В ход пошли угрозы. Начали с того, что обещали закрыть любые выезды за рубеж и доступ к редким медикаментам, а закончили угрозами в адрес сына и его красавицы жены.

И тут оказалось, что у его сына огромное количество врагов. Ему припомнили блестящее знание иностранных языков, глубокие знания в области искусства и контакты с иностранцами. Даже такая безобидная вещь, как официальные экскурсии на английском языке по архитектурным шедеврам Москвы, была преподнесена, как попытка фарцовщика наладить связи для создания почвы для купли-продажи валюты. То, что в доме не было найдено ни золота, ни иностранной валюты, никоим образом, не воспринималось ими как доказательство их невиновности. Скорее всего, это приводило к ещё большей озлобленности по отношению к ним.

Когда ей разрешили покинуть квартиру, она поехала в Матвеевское. Там её уже ждали. Схема была та же: обыск и арест. Все её мольбы о том, что она не может оставить свою малышку, столкнулись с жёстким ответом:

– Ничего. За ней присмотрит бабушка. А если не сможет, то её отдадут в детдом.

В одиночке она просидела полгода. По идее она должна была умереть там. Тюрма явно не была тем местом, где могут выжить такие хрупкие и беззащитные девушки. Но, как оказалось, она была сильнее чем думала. Спасала поэ-

зия. Она никогда не подозревала, что знает наизусть столько стихов. Спасало искусство. Она воспроизводила в памяти свои любимые картины и пыталась делать их искусствоведческий анализ. Спасала гимнастика и простые рутинные упражнения.

Она потеряла счёт дням. Больше всего её мучил холод. Он пронизывал всё её существо, мешал спать, дышать, отнимал у неё остатки сил. Регулярно её водили на допросы. Множество людей, с которыми она один или два раза сталкивалась где-то на выставках или музеях, или, которых вообще никогда не видела, в подробностях и деталях рассказывали о том, что Алик выступал экспертом для многих иностранцев, желающих купить произведения искусства.

Они сбивались в своих показаниях, лгали и явно пытались угодить тем, кто их допрашивал. Больше всего её рассмешил, неприметный как моль, работник комиссионного магазина, который утверждал, что какой-то француз хотел купить у них картину Шагала, а случайно зашедший туда с друзьями Алик в два счёта доказал, что это не Шагал. Ответом на её смех была жёсткая реплика следователя:

– Напрасно смеётесь. Вам бы поплакать не помешало бы.

Её голова совершенно опухла от такого количества ненужной информации. Она совершенно не знала, как ей реагировать, что говорить. Она просто молчала. Потом ей объясняли, что на самом деле она избрала очень правильную тактику. Тогда она об этом даже не подозревала. Следова-

тели кричали на неё. Но справедливости ради надо сказать, что никто ни разу не поднял на неё руку. Лишь похотливые, грязные, сальные взгляды глубоко ранили её первые два месяца. Потом она превратилась в живой труп. И, конечно же, этот мешок с костями не вызывал ни у кого никакого желания.

Наконец, наступил день, когда её выпустили из следственного изолятора. Привезли её туда в лёгком платье и босоножках, а сейчас на дворе стояла зима. У неё не было с собой ничего. Ни копейки денег, ни зимней одежды, ни понимания того, куда же сейчас она может поехать. Она не знала куда ей идти, где найти пристанище, как искать дочку, как жить дальше Кто -то сжалился над ней в пункте получения вещей и ей выдали какие-то валенки и старую телогрейку. Каково же было её удивление, когда она увидела у ворот друга Алика. Она знала, это была крепкая дружба, перешедшая по наследству. Дружили их отцы, а тесное общение их сыновей в детстве перешло потом в настоящую мужскую дружбу. Алик иногда её шутливо упрекал, что из-за неё он видится с Максом только на работе в их архитектурном бюро.

Вначале, конечно же, он не узнал её. В этом огородном пугале трудно было признать красавицу- жену Алика. Но, так как она была единственным существом женского рода у этих железных ворот, он всё-таки подошёл к ней. Ещё раз заглянул в лицо. Поздоровался и посадил её в свой старенький автомобиль. Первое, что он ей сказал, звучало как приговор

всей её прежней жизни:

– Тебе, конечно же, объяснили, что проживание в Москве тебе запрещено. Едем в деревню. Твоя малышка уже там. У мамы Алика инсульт. Она в больнице. Твоя бабушка умерла. Бакинские родственники отказались забирать твою дочку. Для того, чтобы не отдавать её в детский дом я оформил временную опеку над ней. Всё остальное обсудим позже.

Пока она переваривала всю эту информацию, машина уже выехала за пределы Москвы. Старинный деревенский дом, в который он её привёз, показался ей настоящим домиком из сказки. Вернее, избушкой бабы Яги. Когда она вышла из машины Макс, смущаясь заметил, что ей надо пройти полную дезинфекцию. Иначе, она рискует занести в дом вшей, блох и бог весть ещё что. Неподалёку от домика бабы Яги стояло какое-то строение оказавшееся простой русской банькой. Она уже была затоплена.

Тюрьма убивает в человеке множество нормальных человеческих чувств и эмоций. В том числе и стеснительность. Она абсолютно не стеснялась того, что Макс раздел её, выбросил всю её одежду и как следует отмыл. У неё самой на это не хватило бы сил. Кто бы, что ни говорил о счастье, но она была, наверное, самым счастливым человеком на свете, когда ей удалось одеться в чистую выглаженную одежду. Уже на вторую неделю её пребывания в тюрьме она попросила остричь её наголо. Другого выхода не было. Наконец-то её обритая голова стала по настоящему чистой. Она была гото-

ва к тому, чтобы войти в дом

– Поешь. А потом поспи. Не надо пугать малышку. И постарайся не смотреть на себя в зеркало. Во всяком случае в доме я все зеркала убрал.

Спала она почти сутки. Хотя и весь следующий месяц пребывала в каком-то в полубессознательном состоянии постоянной сонливости. Издалека видела дочку. Она нормально выглядела. Ухоженная, спокойная и даже улыбающаяся.

У неё отрасли волосы. Совсем немножко. И появились какие-то силы. Тогда она нашла в себе силы задать свой главный вопрос:

– Что с Аликом?

Ответ на этот вопрос она, по существу, знала. Примерно за две недели до того, как её выпустили, ей приснился сон. Снился ей, конечно же, Алик. На его теле было много-много маленьких дырочек. Глядя на них, она удивлялась почему из них не течёт кровь. Сам же Алик весь светился. И в ушах у неё рефреном звучала его фраза, которую, она запомнила на всю жизнь. Как некое заклинание, как шаманский зачин:

– Моя любовь переживёт и тебя и меня. Ты даже не можешь себе представить сколько её во мне.

Хотела спросить про дырочки. Не успела. Проснулась. Ругая себя за то, что не смогла досмотреть сон. Оправдывала себя, внушая, что во всём виноват был холод, пронизывающий её до костей и не дающий уснуть надолго. Этот страшный сон она пыталась забыть. Не получалось.

– Алика приговорили к расстрелу. Приговор привели к исполнению две недели тому назад. Ты, конечно, понимаешь, что тебя держали там, чтобы оказывать давление на него. Что бы он ни сказал, какие бы наказания не дал бы – всё было бесполезно. Участь его была решена ещё до ареста. Им нужна была ещё одна жертва и они её принесли. Он изначально был обречён. Теперь надо думать, как жить дальше. Твоя бакинская семья от тебя отреклась. Здесь ты не выживешь. В приговоре Алика есть статья о полной конфискации имущества. У тебя ничего нет. Надо начинать жить с нуля. У меня есть кое какие предложения. Если захочешь их выслушать, то я готов к разговору.

Разговор был долгим, немного бестолковым и очень тяжёлым. План Макса заключался в том, чтобы уехать из страны. У него были зацепки в лице матери еврейки и наличия близких родственников в Израиле и во Франции. Макс предлагал оформить фиктивный брак с ним и уехать. В качестве второго варианта он предлагал Среднюю Азию. Конечно же, поехать не в столицу, а в какой-нибудь областной или районный центр, в котором есть пединститут, музей и какая-то возможность обустроиться.

– Здесь всё равно тебе жить не дадут. Если хочешь знать кто это, то скажу лишь одно. Их много. Слишком много. Причём, по обе стороны баррикад. Все те, кто клеветал на Алика, предали его и его отца. В самом факте твоего существования им виден немой укор их совести. Если, конечно,

она у них есть. На тебя «случайно» может упасть льдинка с крыши, ты можешь поскользнуться и насмерть разбить себе голову или вдруг провалиться в канализационный люк. Вариантов много. У этих людей, практически, безграничные возможности. У них есть деньги, связи с криминальным миром и огромное желание предать забвению всю эту историю. Ты должна понять всё это и, с учётом таких непростых обстоятельств, сделать свой выбор. Как скажешь, так и сделаем.

Она выбрала Израиль. Это было реально, туда могли выпустить даже их. А там уже как сложится. В поселковом совете их довольно быстро расписали. Макс не показывал ей эти бумажки, но она понимала, что без свидетельства о смерти Алика, всё это было бы невозможно. Не успев толком стать вдовой, она стала вновь женой. Почти шекспировский вариант.

Вечером она пришла к мужу в комнату. Ей показалось, что это правильный шаг. Он встретил её на пороге.

– Ты знаешь, что может быть хуже секса с человеком, который за что-то считает себя тебе обязанным и хочет отблагодарить?

– Нет.

– Тоскливый секс.

– А что это?

– Узнаешь. Всему своё время.

– Но ты столько сделал для меня и малышки. Зачем мы тебе?

– Захотел и сделал. Не бери в голову, иди спать. Хотя нет. Я попытаюсь тебе объяснить. Алик всё же был моим единственным другом. Всю мою жизнь. Если бы я был на его месте, а он – на мом, думаю, он так же помог бы тебе.

– Не верю. Вернее верю, но думаю, что не только поэтому.

– Правильно делаешь, что не веришь. В тот вечер, когда Алик познакомился с тобой, он всего лишь перехватил меня на пути к тебе. Сказал, как отрезал:

– Стой. Не подходи. Это моя добыча.

У неё выплыла в памяти та сцена знакомства с Аликом в мастерской. Но разве, увидев его, она могла обратить внимание на кого-то ещё. Все остальные слились для неё в безликую массу.

– Я хорошо знал Алика. Был уверен, что это будет лишь мимолётный роман. А человек я терпеливый. Думал дождусь того момента, когда Алик исчезнет из твоей жизни и начну всё сначала. Никому в голову не могло прийти, что такой человек как Алик, способен на женитьбу. Дальше уже было без вариантов. Что же, я, как видишь, дождался того, что Алик исчез из твоей жизни. Никогда не думал, что это станет такой трагедией. Да, я люблю тебя. Да, я хочу тебя. Но не так. Я действительно, хочу начать всё с самого начала. А к этому ты ещё не готова.

Из страны выезжали тяжело. Обилие различных бумаг, справок, согласований, разрешений просто пугало. Но они прошли и через это. В аэропорту всё удивлялись тому, что у

них так мало багажа. Только картины и детские вещи. Тем не менее к ним почему-то было много вопросов. Явно неспроста. Бывшая жена «расстрелянного валютчика» просто была под колпаком спецслужб. Таможенники придрались даже к картинам, которые они везли с собой. Несмотря на то, что все соответствующие бумаги им были представлены, они захотели видеть сами работы.

В документах чётко было указано, что эти полотна не представляют никакой художественной ценности. Но, похоже на то, что таможенники плохо верили в это. Их вкусы, конечно же, не могли быть шире, чем любовь к работам Шишкина, увековеченным на обёртке «Мишки косолапого», но они хотели ещё раз лично убедиться в том, что выезжающие не лишают страну художественных шедевров. Их несмолкающий хохот, который прозвучал, когда они увидели сами картины, долго звучал в их ушах:

– Вам что делать нечего? Зачем тащите с собой эту мазню?

Макс был предельно спокоен. Просто молчал и улыбался. Разводил руками. Всё это можно истолковать примерно так, что «вы уж простите меня дурака». Вслух он выдал лишь одну фразу.

– Это просто дорого нам. Как память о друге.

Мало кто из таможенников поверил бы тогда в то, что эти шедевры русского авангарда стоят баснословных денег. Именно они смогли обеспечить им безбедное существование в первые годы.

Она ничего не спрашивала о том, откуда эти картины. Только потом Макс рассказал ей о том, что примерно за месяц до того, как начался весь этот кошмар, Алик заходил к нему с этими холстами. Тогда они ещё были в рамках. Кипя от возмущения, Алик рассказывал, что сейчас поступило указание вычищать запасники музеев. Предназначенные к уничтожению эти работы предлагали выкупить нескольким коллекционерам. За копейки. Все отказались. Он говорил:

– Ты не представляешь, какие шедевры обрекли на выброс и разрезание. Филонов и Кандинский вообще никем всерьёз не воспринимались. Одолжил у приглашённых, на этот, так называемый, аукцион, немного денег. Что смог, выкупил. Надо сейчас заехать домой и быстро вернуть деньги. Обещал, что отдам в течение дня. А это пусть пока побудет у тебя. Ищу толкового реставратора. Говорят, он будет в Москве через пару месяцев. Тогда и заберу.

Кто же знал, что через пару месяцев Алику будет совсем не до этих картин. Тогда же Макс объяснил ей, что боялся её реакции на таможне.

– Ты знаешь, может они ничего не понимают в искусстве, но прекрасно читают на лицах. Если бы ты заранее знала бы об этом, твоё лицо неизбежно выдало бы нас.

А ещё они везли с собой работы самого Алика. Как память о нём. К счастью, он не держал их дома. А о том, что у него была ещё и арендованная на пару с другим художником мастерская, в органы видимо никакой информации не

поступало. Да если и поступала, то не картины интересовали милицию и прокуратуру. Тот художник ещё долго благодарил их за то, что избавили его от этого хлама, плохо понимая зачем им понадобились дурацкие работы этого «никчёмного художника». Откуда же ему было знать, что они окажутся на Западе такими востребованными. А ведь Алик и сам всегда так уничижительно отзывался о них.

Чужбина всегда есть чужбина. В какой бы стране вы не осели бы жизнь здесь никогда не будет для вас лишена привкуса горечи. Её муж заранее знал, что они поселятся в Виши. Здесь жил его дядя. Волею судеб он оказался здесь, когда закончилась Вторая мировая война. Дядя называл Виши «оклеветанным» городом. Его рассказы о том, что здесь творилось, когда закончилась фашистская оккупация Франции, представляли собой, наверное, один из самых потрясающих документов эпохи. Располагая небольшой суммой денег, он смог на недвижимости Виши сделать себе целое состояние.

Весь мир знает Виши не только как город-курорт, но и как место где, располагалось правительство Франции в период оккупации. Множество позорных решений, было принято именно в этом городе. Когда Виши выбиралось в качестве «временной столицы», учитывался лишь фактор того, что этот курорт мирового значения обладал самой лучшей инфраструктурой, имел телеграфную и телефонную связь со многими странами мира и очень богатый гостиничный фонд. К сожалению, начиная с 1944 года, как будто, вся Франция

стала стыдиться этого города.

Виши буквально был разграблен, когда отсюда выезжали все те, кто имел отношение к так называемому «временному правительству». Отсюда вывозились предметы искусства, декора, редкие образцы антиквариата. Никакого контроля и порядка. Все, кто бежал из этого города считал, что любой сувенир, прихваченный отсюда, является военным трофеем. В конечном итоге же, выиграли не те, кто грабил Виши, а те, кто имел смелость и мужество остаться в этом городе. Дядя Макса прекрасно понимал, что это был буквально рай для тех, кто не побоялся вложить деньги в эту недвижимость. Он не упустил эту возможность.

Макс был прекрасным архитектором. Его сотрудничество с дядей было настолько плодотворным, что тот, практически, отошёл от дел, доверив всё племяннику, как своему единственному наследнику. Жизнь постепенно налаживалась.

После очередного посещения «Чёрной мадонны» она была готова к очень непростому разговору с Максом.

– Ты знаешь, я хочу, чтобы мы устроили выставку работ Алика. Не здесь. В Париже. Желательно в Сен-Жермене. В какой-то солидной галерее. Это должна быть выставка – продажа. С хорошим буклетом. С авторитетным куратором. Мы можем себе это позволить?

– Конечно же да. Но на серьёзную подготовку нужно почти полгода. Если ты этого хочешь, то можем завтра же на-

чать.

– У меня нет ни одной фотографии Алика. А для выставки это просто необходимо.

– Там среди его работ есть автопортрет. Если понравится, можем использовать.

Выставка имела ошеломительный успех. К её концу все работы были распроданы. Тогда Макс задал ей всего один вопрос:

– Ты ничего не хочешь оставить себе? Хотя бы автопортрет?

– Нет, не хочу. Не хочу, чтобы мёртвые держали в плену живых. Хочу подвести черту под этим этапом своей жизни и жить дальше. И спасибо тебе за всё.

Тогда она подошла и поцеловала Макса в щёчку. Он не отшатнулся, а слегка приобнял её. Фактически с этого момента и началась их настоящая семейная жизнь.

Её дочь Камилла с детства была очень лёгким в общении ребёнком. Послушным, милым и очень красивым ребёнком. С учёбой у неё вообще не было никаких проблем. Ей одинаково легко давались и гуманитарные, и точные науки. Сын соседей, с которым она пошла вместе в первый класс, быстро превратился из задиристого мальчишки в её верного воздыхателя и поклонника.

Они, уже как сложившаяся пара, уехали учиться в Париж. Учились на разных факультетах. Она не раз имела возможность убедиться, что они вместе поселились и, видимо, рас-

считывали на то, что и дальше будут вместе. На последнем курсе Камилла забеременела и молодые с радостью сыграли свадьбу.

В подростковом возрасте у Камиллы не раз возникал вопрос о том, не является ли она приёмной дочерью. Конечно же, она абсолютно не походила на Макса. И на мать не была похожа. Она же была точной копией Алика. В своё время, ещё до отъезда из Москвы, Макс удочерил её. Естественно, что во всех французских документах он был указан в качестве её отца. Родившаяся же внучка оказалась, почему-то, точной копией своей бабушки. Это обстоятельство сыграло решающую роль в том, чтобы у Камиллы больше не возникало подозрений в том, что она им не родная.

С самого рождения внучки было очевидно, что у молодых ещё много амбициозных планов и они не готовы стать полноценными родителями. Именно поэтому внучка поселилась с бабушкой и дедушкой в Виши. Малышке не было и года, когда её родители уехали в Штаты. Там же, спустя два года, они разбежались. Как ни странно, но первый шаг был сделан Камиллой.

Она безумно влюбилась в какого-то итальянца и бросила мужа. Летом её новоиспечённая любовь приехала в Виши просить руки дочери. Итальянец был красив, брутален и далеко не беден. Дочь вся светилась от счастья. Естественно, что малышку им не отдали Скромный семейный обед ознаменовал и помолвку, и новое замужество. Они уехали. Взят

ли с них обещание приехать к ним. Как можно чаще. Они же поехали всего один единственный раз. После Виши с его провинциальной тишиной и покоем, Нью Йорк показался им безмерно шумным и суетливым.

Макс, как всегда, сделал свои логически безупречные выводы:

– Не наш город, не наша страна, не наша жизнь.

Вообще он был убеждён, что эмиграцию можно пережить лишь один раз. Второго шанса, как правило, нет ни у кого. Пока ты молод и полон энергии действительно очень легко выучить новый язык, погрузиться в иную культурную среду, кардинально поменять уклад и стиль жизни. Но как известно, никогда не говори никогда.

Их внучке было всего пять лет, когда они на лето поехали в Стамбул. Поехали просто отдохнуть и развеяться. Совершенно случайно в отеле Макс встретил старых знакомых из Баку. Они уговорили их поехать вместе с ними на недельку в Бодрум.

Жизнь стремительно менялась. Рушились многие барьеры. Открывались границы. Возникали новые государства. Они уже не были с Максом изгоями. Ведь они эмигрировали из страны, которой уже не было на карте мира. Макс уговаривал её поехать в Баку и в Москву. Она отвечала просто:

– Я не готова.

Так уж сложилось, что Макс смог реализовать несколько удачных проектов в Турции. Прибыль была достаточно

весомая и он купил небольшой бутик-отель. Здесь была своя сложившаяся база отдыхающих. Несколько вилл вокруг отеля, как правило, снимали на целый год одни и те же люди, автоматически возобновляя каждый раз аренду. Он не стал никому отказывать из арендаторов и построил для них новую уютную виллу с тремя спальнями. Практически, с этого года они стали жить на два дома. Осенью и зимой в Виши, а весной и летом в Бодруме.

Ей многое нравилось в Турции. Здесь была та лёгкость бытия, которой ей так не доставало всю жизнь. В Стамбуле ей многое напоминало Баку. Она убеждала себя в том, что надо конечно же поехать в эти два города, занимавшие такое важное место в их жизни. И в Баку и в Москву. Набраться мужества и поехать. Но было одно обстоятельство. Она не могла уехать далеко и надолго от своей «Чёрной мадонны». Мадонны, возвратившей её к жизни. А эти два знаковых города в её жизни могли так её затянуть в водоворот своего притяжения, что возникло бы желание осесть в одном из них навсегда. Она очень боялась, что на старости лет, когда утраты и потери неизбежны, она останется без поддержки и защиты «Чёрной мадонны». Даже подумать об этом было страшно.

Она всю жизнь собирала информацию о «Чёрных мадоннах» в разных странах. Знала о том, что после крестовых походов, во Франции и Испании, каким-то непонятным образом, появилось немало этих статуй из орехового дерева. Об

этих мадоннах говорили, как об объектах поклонения, гораздо более древних чем и христианство, и ислам. Но чем больше она узнавала об этом, тем чётче понимала, что весь культ этой мадонны окружён некоей тайной, разгадать которую не может ни один из смертных.

Присущую «Чёрной мадонне» магию исцеления, она сполна испытала на себе. Испытала в самые трагические моменты своей жизни. Тогда, когда не могла найти в себе силы жить в покое и согласии с собственным «Я», со своей семьёй и окружающим миром.

Каждое утро и каждый вечер в её жизни начинался, независимо от того, было ли это в Виши или в другом городе, словами благодарности, обращёнными к «Чёрной мадонне». Именно она превратила её, женщину призрак, в живое существо из плоти и крови. Умеющее любить. Любить себя и тех, кто ей дорог. Умеющее прощать. Даже тех, кто причинил ей огромную боль. Умеющую смотреть в завтрашний день с надеждой на то, что он не станет днём потерь и утрат.